

ПРЕДИСЛОВИЕ

Откройте любое иллюстрированное издание по истории народов нашей планеты, и вы увидите: символом любой цивилизации, если только она оставила зримые следы на поверхности земли, служат памятники архитектуры. И действительно, духовную культуру народа, казалось бы, можно представить творчеством отдельных мастеров — ведь они способны создать подлинные шедевры искусства: ювелирные изделия, изящно украшенную одежду и оружие, поэтические и музыкальные произведения. На это способны не только талантливые одиночки, но и целые артели мастеров, передающие секреты своего творчества из поколения в поколение. Однако, если требуется оценить уровень развития общества, степень его цивилизованности, то ничто не может так ярко охарактеризовать его, как произведения архитектуры. Их создаёт общество, сплочённое единой идеей и организованное чьей-то волей. Соборы и пирамиды, стадионы и небоскрёбы, театры и дворцы свидетельствуют не только о мастерстве строителей, но и об уровне культуры народа, их создавшего.

Казань — экзотический цветок Востока на европейском поле России. Живя всю жизнь здесь, мы как-то свыклись с ней и мало задумываемся о том, чем же она отличается от других городов. Нам не кажутся необычными ни стройность башни Сююмбике, ни многоцветность Петропавловского собора, ни арабесковые орнаменты кованых решёток, ни узорочье домов Татарской слободы.

Как говорится, лицом к лицу — лица не увидеть.

Мало найдётся городов, равных Казани по единству своего образа, сохранивших столетние традиции российского и тысячелетние — местного зодчества: кочевого, болгарского, золотоордынского, татарского. Но мы привыкли. Лишь свежий глаз приезжего угадывает чисто казанские черты в разрезе глаз встречной девушки, оригинальный колорит улиц, нигде более не встречающийся и нигде более невозможный.

Но откуда это всё взялось? Почему на фасадах татарских незатейливых по своей архитектуре домов вдруг

обнаруживаются изысканные, искусно выпиленные узоры, а загадочные формы крыш напоминают кочевые шатры? Почему мечети увенчиваются луковичными маковками, в точности такими же, как и русские церковные, а под складчатым шатром минарета Азимовской мечети мы видим шестилучевую звезду Давида? Откуда взялась удивительная полосатая раскраска татарских домов, и почему внутри их ещё сто лет назад не было мебели и картин?

Люди часто склонны оценивать уровень культуры по внешнему блеску и богатству наиболее ярких образцов: дворцов правителей, главных мечетей или соборов, небоскрёбов или технических достижений. Однако, думается, оборванный и нищий мудрец-дервиш или тибетский монах — не меньшие носители культуры, чем блестяще образованный сын миллионера. В скромном узоре туркменского ковра может оказаться больше смысла, чем в ином модном философском трактате. Надо лишь уметь прочесть зашифрованные тексты тысячелетней культуры народа, может быть, потерявшего самые яркие, репрезентативные её образцы по причине природной или политической катастрофы, но отнюдь не утратившего своих жизненных сил и генетической памяти, накопленного веками культурного потенциала.

Всё сказанное напрямую относится к нам с вами, к тому внешне скромному, но духовно богатому наследию, всю глубину которого мы только начинаем постигать. Волго-Камье издревле является стратегическим перекрёстком — местом, где сплетались интересы многих цивилизаций, в одном котле варились десятки народов, сосуществовали многие культурные традиции и конфессии.

Поволжские тюрки (татары), кажется, единственный народ с древней государственной культурой на обширной территории бывшей Российской империи, в культурном наследии которого практически не сохранился ни один целый наземный памятник времён средневековья, не осталось никаких письменных документов, даже достоверных изображений многочисленных когда-то городов и селений.

История нашей земли, нашей культуры ещё не написана. Куда ни кинь взор, натыкаешься на остатки древних городищ, поверженных могильных камней, намёки на давно угасшую жизнь. О каком бы столетии ни задуматься — всюду загадки! Окружена тайнами история давно исчезнувших городов Ошеля и Джуке-Тау, Кашана и Суvara, Биляра и Булгара, сотен других, даже названий которых установить нельзя. Загадочна для нас и средневековая Казань, всего 450 лет назад блиставшая красотой Востока: мечетями, крепостью, базарами...

Она ушла в небытие подобно древней Атлантиде, породив больше загадок и гипотез, чем ясных о себе представлений. Казанские архивы и библиотеки погибли в огне войн и пожаров, пропали вместе с бумагами Ивана Грозного; постройки же татарской столицы, полуразрушенные и никому не нужные, с течением лет разбирались, растаскивались, заменялись на новые, исчезали с лица земли.

После вхождения в пределы Русского государства мусульманских земель Поволжья, Урала и Сибири в русской архитектуре можно наблюдать загадочный всплеск декоративности, который исследователи обычно напрямую не связывают с этим фактом. Однако, как уже говорилось, появление и широкое распространение в XV–XVII вв. на Руси характерных для мусульманского зодчества высоких и стройных башен-колоколен, луковичных маковок, орнаментов, пёстрой раскраски и росписей, изразцов и надписей на фасадах, «мукарнас» (в русском искусствоведении более употребительно название «городки»), многолопастных, подковообразных, килевидных и стрельчатых арок всё же наталкивают на некоторые размышления.

Сегодня мы практически ничего не знаем о высочайшей по своему культурному уровню мусульманской цивилизации Поволжья, которая в русском историческом сознании характеризуется одной фразой: «монголо-татарское иго». Никто не стремится осознать, насколько глубоко сидит во всех нас генетическая память об этой забытой культуре, какие порой удивительные и неожиданные отголоски её форм стали традицией не только татарской, но и русской и многих других культур. Вспомним татарские слова, без которых просто невозможно себе представить русский язык: *ура!* (*коси, окружай!*), *отец* (*эти*), *рожь* (*арыш*), *лошадь* (*алаша*), *деньги* (*тэнкэ*), *казна* (*хазинэ*), *башня*, *башмак*, *буран*, *ураган*, *курган*, *халат* и т. д. Точно так же в татарском и русском искусстве и архитектуре таится множество воспоминаний о далёком (а в сущности, не таком уж и далёком) блестящем золотоордынском прошлом нашего государства, жителями которого были и русские, и татары, и кавказцы, и финно-угры и многие другие предки народов современной России. Жили её законами, подчинялись «руководящей и направляющей роли» Ясы Чингиз-хана и его потомков, находились в поле культурной традиции метрополии. В точности так же, как веками позже жили народы в составе Советского Союза и живут в современной Российской Федерации. И если когда-нибудь русскую архитектуру постигнет участь золотоордынской, то её следы можно будет найти, изучая архитектурное наследие татар, узбеков, азербайджанцев

или самих русских, сохраняющих воспоминания о былом величии в своём народном зодчестве.

В этом и состоит суть научного подхода настоящего исследования, опирающегося в поисках утраченных форм на основные стандарты стилей эпохи и их отголоски как в более поздней татарской архитектуре, так и в сопредельных культурах. Известные и вновь открытые факты и находки ложатся на канву стиля, заполняя только для них предназначенные ячейки, и в итоге мы видим целостную картину прошлого разнообразия форм и деталей. А не ту упрощённую схему, которая рождается в нашей голове при бесконечном пережёвывании всё тех же скудных археологических находок с Булгарского городища или Казанского Кремля. Каждый архитектурный стиль, просуществовавший хотя бы пару десятков лет, имеет свои стандарты, закономерности и определённый набор элементов и деталей. Всякий грамотный архитектор, увидев фундамент здания в стиле классицизма, без труда восстановит его композицию, формы и пропорции фасадов, окраску и даже декоративные детали с точностью до 70–80%, поскольку обладает необходимыми знаниями о закономерностях этого стиля. То же касается и других стилей, в том числе и тех, которые господствовали в татарском средневековом Поволжье: кочевого, сельджукского, золотоордынского, османского. Богатство и разнообразие их форм и приёмов, многие из которых уже невозможно восстановить на основе археологических находок, относятся к стандартам стиля и должны были существовать в местной архитектуре, независимо от того, сохранились сведения о них или нет, особенно, если мы видим отголоски и интерпретации этих форм в более поздних сооружениях: татарских, и тем более русских.

Дать читателю такие знания о средневековых татарских стилях и формах и поставили своей целью авторы настоящей книги.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы и исследованность вопроса. Исследования средневековых архитектурных памятников, возведённых предками казанских татар, выявили принадлежность болгарской и золотоордынской школы архитектуры Среднего Поволжья к сельджукскому направлению средневековой мусульманской культуры. Археологические находки и немногочисленные детали, сохранившиеся на памятниках Булгарского городища, дополняют картину среднеазиатскими и иранскими влияниями, проявлениями собственного кочевого искусства, говорят о некоторых своеобразных чертах декоративного стиля. Однако вопросам формирования и особенностям развития стилевых качеств и декоративных форм поволжской архитектуры серьёзного значения до сих пор не придавалось.

В настоящее время со всей остротой встала проблема поддержки и развития татарской архитектурной традиции как формы государственной культуры Татарстана, однако отсутствие ясных представлений о её прошлом тормозит этот процесс. Без изучения общих закономерностей формо- и стилеобразования, а также относительно полного перечня средств архитектурно-художественного оформления татарских зданий в прошлом мы рискуем составить неверное представление о культурном потенциале нации в этой области и обеднить арсенал средств для полноценного развития традиции.

Выбор временных рамок исследования. Рассмотрение стилевых и декоративных особенностей средневековой архитектуры казанских татар и их предков всегда традиционно начиналось с появления в Поволжье первых каменных и кирпичных сооружений, начиная со времени официального провозглашения в 922 г. Волжской Булгарии исламским государством и заканчивалось падением Казани в 1552 г.

В настоящем исследовании эти рамки значительно расширены и начинаются с эпохи раннего средневековья, с образования в VIII в. полукочевого государства волжских булгар. Это совершенно не исследованная в архитектурном отношении эпоха впервые представлена в научной печати как факт татарской архитектурной тра-